

А. Г. Васильев

История и культурология: ранкеанские фантомы и гирцевские фобии¹

Аннотация: в статье рассматриваются роли концепта культуры и культурологических подходов в историографии. В ней ставятся вопросы о междисциплинарности современного социогуманитарного знания, о границах и взаимодействии истории, истории культуры и культурологии.

Ключевые слова: культурология, история, культура, границы, диалог, междисциплинарность, трансдисциплинарность, историография, антропология, герменевтика.

Проблема водоразделов и перспектив взаимодействия исторической науки и истории культуры — с одной стороны, культурологии и исторической культурологии — с другой, чрезвычайно актуальна. Для того, чтобы диалог истории и культурологии был полноценным и заинтересованные стороны понимали друг друга, им важно иметь корректное представление друг о друге. Участникам диалога необходимы адекватные взаимные гадамеровские «пред-суждения». Стремясь внести свой вклад в формирование этого пространства «пред-суждения», хочу коснуться в первую очередь роли концепта культуры и культурологических подходов в историографии. При этом главная цель — поспособствовать формированию у культурологов представлений о степени культурологичности современной исторической науки, помочь историкам лучше понять видение исторической науки культурологами и его причины.

Одной из наиболее важных черт, характеризующих состояние социально-гуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв., является кризис сформировавшейся на протяжении XIX в. системы междисциплинарных границ. Признаки, которые некогда составляли исключительную основу идентичности социологии, истории, антропологии, филологии и др. наук, теряют свою безусловную очевидность в качестве маркеров дисциплинарных пространств. Ситуация уже не может быть адекватно описана традиционным концептом междисциплинарности, создающим иллюзию того, что все традиционные границы наук якобы продолжают сохранять свою релевантность и лишь иногда пересекаются в работе некоторых исследователей, с более или менее плодотворными результатами.

Фактически следует признать, что поле социально-гуманитарных наук на протяжении XX в.

переструктурировалось, шел поиск новых исследовательских полей, оснований для синтеза, подходов. В последнем интервью, данном еще в 1984 г., Ф. Бродель говорил о необходимости смешать все традиционные дисциплины в «унитарную *интернауку*». Новые проблемные области (такие, например, как *urban studies*, *fashion studies*, *memory studies*, *media studies*, *gender studies*, etc.) давно уже работают вне традиционного дисциплинарного деления, и проводимые в их рамках исследования практически невозможно «приписать» к той или иной науке из дисциплинарной сетки времен О. Конта, А. Ампера и Ф. Энгельса.

Многие современные специалисты по исторической эпистемологии указывают на то, что сегодня границы исторической науки, а вместе с ней и традиционные границы всех социально-гуманитарных наук, находятся под вопросом. Речь уже идет не просто о пересмотре границ существующих дисциплин и развитии пресловутой «междисциплинарности», а о коренной трансформации наших представлений о структуре гуманитарного поля. «Современная история междисциплинарности, — пишет Л. П. Репина, — ...может быть условно описана как последовательный переход: от “интердисциплинарности” — через содержательно неразличимые “поли/мультидисциплинарность” — к “трансдисциплинарности”»². Все эти термины отражают стремление исследователей обозначить важнейшие качественные отличия в применяемых ими подходах. В самом конце XX в., когда в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрыть культурный механизм социального взаимодействия, произошло размывание границ «территорий» академических дисциплин. Проблемы стали формулироваться, а объекты и предметы определяться так, что обсуждать их в ранее сконституированных дисциплинарных границах стало невозможно. В этой связи можно говорить и о перспективе формирования новых над(транс)дисциплинарных областей социогуманитарного

¹ Статья апробирована в качестве установочного доклада на Международной научной конференции «История — история культуры — историческая культурология — cultural history: новые водоразделы и перспективы взаимодействия», проходившей 5–7 апреля 2012 г. в Фестивальном центре Госфильмофонда (Белые Столбы) в рамках программы научных мероприятий, посвященных 80-летию Российского института культурологии.

² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 28–29.

знания. Мексиканский историк К. А. Рохас еще в 1998 г. писал о принципиальной ограниченности распространенных в последние десятилетия проектов «мульти-», «плюри-», «транс-» или «интер-» дисциплинарности, которые не покушаются на сам отживший принцип деления социального знания на «дисциплины», т. е. на то основание, «которое нужно было бы действительно решительным образом размонтировать...»³.

Одним из ответов российского гуманитарного сообщества на этот вызов стало формирование во второй половине XX в. культурологии, получившей институциональные формы в начале 1990-х гг. Культурология была призвана осуществить антропологический синтез социально-гуманитарного знания вокруг понятия культуры, рассматриваемой антропологически — как образ жизни человеческих сообществ, универсальная и всеобъемлющая форма бытия человека в мире. Однако институционализация культурологии несколько опередила эпистемологическую рефлексию по поводу статуса дисциплины и ее места в пространстве социально-гуманитарного знания. Именно поэтому культурология в предшествующие два десятилетия была больше озабочена утверждением своего места в традиционной дисциплинарной сетке, обозначением границ между собой и уже признанными академическими дисциплинами. Она в значительной степени не была вовлечена в рефлексию о коренном реструктурировании социально-гуманитарного поля. Дискурс борющихся за свое институциональное признание культурологов, напротив, прямо или косвенно способствовал упрочению впечатления о стабильности традиционных границ, среди которых просто следовало дать место еще одной науке — культурологии. Ей для удобства дискуссии приходилось исходить из классических образов дисциплин и демаркаций между ними, созданных еще в XIX в.⁴

Тем не менее, в предшествующие годы культурологами было сделано немало в области теоретической рефлексии по поводу своей дисциплинарной идентичности вообще и соотношения с исторической наукой в частности. В связи с этим особенно следует отметить работы И. М. Быховской, С. Н. Иконниковой, А. Я. Флиера и др. Однако в целом проблематика соотношения культурологического

и исторического знания нуждается в дальнейшей разработке. В рамках культурологии рефлексия на тему методологических оснований исторической культурологии находилась в определенной стагнации. На прошедших за 2006–2010 гг. трех общероссийских культурологических конгрессах в концептуальном общеметодологическом плане эта тема почти не поднималась. В немалой степени снижению интереса культурологического сообщества к исторической проблематике способствовало, очевидно, исключение исторической культурологии из ваковского перечня специальностей.

Периферийность этой темы для современной российской культурологии приводит к тому, что зачастую культурологи, проводя границы между исторической культурологией и историей (а также историей культуры в частности), выясняют отношения с чрезвычайно архаичским и методологически давно уже умершим образом позитивистской историографии образца XIX в.

История культуры представляется культурологами часто как беспроблемная фактография. Это — дисциплина, занимающаяся «хронологически точным воспроизведением совокупности тех явлений, событий, фактов, которые попадают в разряд феноменов культуры... целью такого рода исторического анализа, прежде всего, является описание реальной цепи событий»⁵. Считается, что для исторического исследования характерна приоритетная ориентация «на последовательное, хронологически точное воспроизведение “имен, событий, лиц и дат”», «хронологически точное описание событийной линии»⁶.

Задачи же отличного от исторического культурологического подхода к истории рисуются скорее в социологическом ключе: «к основным задачам культуролога, работающего с историческим материалом, могут быть отнесены выявление логики культурного развития; закономерностей и механизмов динамики культурных процессов; выявление, анализ, сравнение исторических типов существования культуры; обоснование специфических черт и границ культурных эпох»⁷. Таким образом, речь идет о размежевании фактографической позитивистской историографии времен Л. фон Ранке с рождающейся и претендующей на открытие общих законов жизни общества социологией, о противопоставлении идеографического и номотетического подходов.

Другим вариантом является также встречающаяся в современной российской культурологии

³ Рохас К. А. А. Историография в XX веке. М., 2008. С.15.

⁴ Роль культурологии в традиционной системе социально-гуманитарного знания напоминает, таким образом, роль города в традиционном средневековом обществе. Город как социокультурное явление самим фактом своего существования бросал вызов аграрному феодальному строю. Одновременно городские коммуны боролись за получение наиболее выгодного статуса и привилегий в качестве обычной корпорации в корпоративной феодальной системе.

⁵ Основы культурологии / Отв. ред. И. М. Быховская. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 39.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 41.

размежевание исторической культурологии с историей культуры, понимаемой как искусствоведческое «шедевроведение». В таком случае демаркация проводится между традиционной историей искусства и культурной (социальной) антропологией. Вот что пишет по этому поводу А. Я. Флиер: «Историческая культурология — это наука, изучающая историю цивилизации и культуры, однако с позиций не исторической, а культурологической методологии познания. Суть этого различия заключается в том, что прошлое изучается как совокупность событий и фактов *не исключительных* (и именно поэтому попавших в исторические хроники, на которых строится вся историческая наука), а происшествий, ситуаций и форм по определению *тривиальных, нормальных, обыденных*. То есть феноменов *культурных* (в социальном и этнографическом смысле), а не *шедевральных* (в искусствоведческом смысле...)»⁸.

Такого рода теоретическая рефлексия была, безусловно, полезна для начального этапа становления культурологии. Была оправдана она еще и в том отношении, что наша историческая наука в позднесоветский и ранний постсоветский периоды фактически была основана на канонах позитивизма XIX в., слегка задрапированных поверхностной марксистской фразеологией⁹. Именно с такого рода исторической наукой приходилось иметь дело становящейся российской культурологии. Совершенно прав был А. Я. Флиер, когда писал, что «именно шедевры художественного и интеллектуального творчества представляют собой предмет интереса большинства классических историков культуры, заполняют страницы литературы историко-культуроведческого профиля, составляют основу исторической фактологии учебных курсов по культурологии. Отсюда и складывается впечатление, что культура — это набор уникальных произведений искусства, философской и религиозной мысли и т. п.»¹⁰.

Однако надо ясно отдавать себе отчет, что описанный образ истории и истории культуры никак не является отражением актуального состояния мировой исторической науки. Он отражает только вызванное специфическими историческими причинами состояние отечественной историографии, скорее даже ее определенной (хотя и влиятельной) части. В целом же в последние годы отечественная историческая наука активно меняется

и модернизируется. О многих современных российских историках можно сказать словами Л. Стоуна: вспоминая в 1990-х гг. свою научную молодость, он говорил, что «...за некоторыми примечательными исключениями, мы вовсе не напоминали тех позитивистских троглодитов, которыми нас теперь часто представляют»¹¹.

Наиболее перспективным для культурологии мне представляется диалог с реальным современным состоянием мировой исторической науки (становящимся все более реальным и для России), а не с экзотическими реликтами и фантомами раннеанской историографии. Современная же историческая наука по сути дела является в значительной степени культурологизированной и прямо культурологической дисциплиной, для которой характерна скорее боязнь излишнего увлечения герменевтически-интерпретативными подходами (то, что можно назвать «гирцевскими фобиями»), чем фактография и погруженность в выстраивание событийных рядов.

Культурно-антропологическая линия складывалась в историографии постепенно. Задачи изучения истории как истории человеческого мира в его целостности, как истории культуры (цивилизации) были обозначены в рамках «философской истории» XVIII в. Ее представители стремились соединять широкий охват исторического материала с глобальной концептуализацией, касающейся законов, целей, движущих сил, смысла и направленности человеческой истории. Собственно, сами понятия «культура» и «цивилизация» были введены философами эпохи Просвещения для обозначения содержания и цели всемирной истории. Таковы труды Дж. Вико, Ш. Монтескье, Вольтера, И. Г. Гердера, А. Фергюсона.

В XIX в. произошло существенное сужение поля исторической науки. Историография стала претендовать на статус строгой науки, видя залог своей позитивной научности в преимущественном внимании к письменным источникам, их филологической критике и детальному выстраиванию фактографических рядов. Поскольку письменные источники в архивах содержали в себе преимущественно информацию по истории политических и правовых учреждений, по внешней политике, то и история стала преимущественно историей государственности, права и дипломатии. Именно такая история более всего отвечала потребностям формирующихся национальных государств, нуждавшихся в освященных научным авторитетом сагах о своем «древнем славном прошлом» и «исконно

⁸ Флиер А. Я. Культура как смысл истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 150.

⁹ За редкими исключениями, представленными трудами А. Я. Гуревича, Л. М. Баткина, А. П. Каждана и некоторых других авторов.

¹⁰ Флиер А. Я. Апология гуманитарности или введение в историческую культурологию / режим доступа: <http://www.m-kultura.ru/apologiya-gumanitarnosti/>.

¹¹ Debate. History and Postmodernism. III. (L. Stone) // *Past and Present*. 1992. № 135. P.189-190 (Цит. по: *Репина Л. П.* Указ. соч. С. 129).

присущим» им величии и доблести, «историческом праве» на обладание теми или иными территориями.

Наряду и параллельно с этим мейнстримом в историографии XIX в. существовала и другая линия, делавшая акцент на истории народа, на человеческом измерении исторических процессов, неповторимости и уникальности эпох и культур с особым присущим им «духом». К реконструкции «духа» народного прошлого обращались историки-романтики. Среди них знаковым можно считать имя историка, писателя и поэта В. Скотта. Немецкий историк В. Г. Риль в середине XIX в. призывал изучать народные обычаи с не меньшим вниманием, чем письменные источники и материальные памятники. Историк-романтик Ж. Мишле в это время создает «лирическую эпопею» французской истории. В 1874 г. в Англии выходит «Краткая история английского народа» Дж. Р. Грина, которую он противопоставил традиционной истории королей.

Постепенно во второй половине XIX – начале XX в. в историографии складывается отчетливое направление, противопоставлявшее себя профессиональной университетской историографии. Эта линия в то время была представлена в первую очередь именами Я. Буркхардта, К. Лампрехта и Й. Хёйзинга. История интересовала их именно как «история культуры», *Kulturgeschichte*. Представители этого направления стремились создавать целостные портреты эпох, осуществлять историко-культурологический синтез предлагаемого источниками материала, отказывались от традиционного деления источников по сферам экономики, политики, искусства и т. п. Их задачей было увидеть общее устроение времени в самых разных текстах, постройках, изображениях, ухватить антропологическую сущность исторического процесса, вступить в диалог с человеком прошлого, понять его и попытаться понять себя в диалоге с ним, привнести в историю современные вопросы, сохранив в то же время ощущение дистанции и качественной инаковости прошлого. Эти работы отличал уход от традиционной фактографии позитивистских работ по политической истории и беллетризованная манера подачи материала с нескрываемым авторским стилем и личной заинтересованностью историка.

Так, Й. Хёйзинга пишет свою «Осень Средневековья» об ощущении умирания, пронизывавшего, по его мнению, культуру Бургундии XV в. и присутствовавшего во всех сферах жизни общества. Поэтому для историка, поставившего перед собой цель ощутить самому и дать возможность ощутить своему читателю эту атмосферу, деление жизни на «сферы», а источников — на «виды», не имело

никакого смысла и значения. По мнению К. Лампрехта, в качестве высшего следовало принять понятие «культурная эпоха» и подводить под него все явления исторического процесса. Историю культуры он считал исходной предпосылкой для любого исторического исследования. По отношению к ней другие дисциплины (история искусства, хозяйства, политики, права и т. д.), изучающие отдельные стороны культурной жизни, являются вспомогательными.

В основе ранних концепций историко-культурного синтеза лежал психологизм, неоромантические идеи В. Вундта о «психологии народов», методология «переживания» ощущений Другого В. Дильтея, баденское неокантианство с его идеей качественного своеобразия «наук о культуре». Вскоре это движение начало получать институциональное и методологическое оформление. В 1904 г. по инициативе К. Лампрехта был создан Королевский Саксонский институт всеобщей истории культуры, для которого он подготовил специальную программу на основе принципов междисциплинарного историко-культурного синтеза социально-гуманитарных наук. В философско-методологическом плане идею истории как науки о культуре в неокантианском духе разрабатывали тогда М. Вебер, Г. Зиммель и К. Мангейм. Однако в конце XIX в. подобные проекты встречали мощную критику и неприятие господствовавшей позитивистской историографии.

В конце 1920-х гг. во Франции на основе идей социологической школы Э. Дюркгейма сложилась школа «Анналов» — новое направление исторической науки, также поставившее перед собой задачу историко-антропологического синтеза материала на основе концепта ментальности. Школа принципиально выступила против основ предшествующей историографии, требовавшей сосредотачиваться на рассказе о событиях и деяниях «великих людей». Большое влияние на школу оказала этнология с присущим ей взглядом на культуру как на целостную совокупность всех проявлений жизни данной человеческой общности, в рамках которой те или иные факты практически невозможно однозначно приписать политической, экономической или какой-либо еще «сфере».

В России в начале XX в. с аналогичными идеями выступали историки — представители «школы Гревса». Особое место среди них занимали выдающиеся историки-культурологи Л. П. Карсавин и П. М. Бицилли. Вот как Карсавин определял историю культуры: «... историю культуры автор понимает как изображение развития или раскрытия некоторой основной психической стихии, проявляющейся через индивидуальное осуществление

во всех сферах жизни изучаемой коллективно-сти — от социально-экономических отношений до высот мистико-философского умозрения. ... Такая постановка вопроса не вполне согласуется с временно господствующим в «исторической науке» направлением, ушедшим в специальные, но *беспринципные* искательства и пытающимся объединить разлезающуюся грудку сведений только в неудобочитаемых компендиях и *коллективных* — точно синтез может быть коллективным делом! — «всеобщих историях»¹².

Последующий исторический период не благоприятствовал развитию истории культуры. В Германии к власти пришли нацисты, поставившие историю на службу политической пропаганде. После же крушения Третьего рейха в немецкой историографии возобладал ранкеанский объективизм и фактография как реакция на фашистские манипуляции прошлым. В России революции 1917 г. и борьба с «буржуазной наукой» привели к господству в историографии сначала вульгарно-социологических схем, а затем того же фактографического и политизированного ранкеанского позитивизма, несколько приукрашенного марксистской терминологией. Во Франции послевоенного периода обладали структуралистские подходы, призывавшее абстрагироваться от субъекта, герменевтики его переживаний и картин мира в пользу анализа безличных структур. Даже школа «Анналов» под руководством Ф. Броделя пошла по пути изучения «неподвижной истории», структур, пребывающих в рамках времени «большой длительности».

Ренессанс истории культуры пришелся на 1970–1980-е гг. и происходил уже в совершенно иной дисциплинарно-методологической ситуации. Произшедшие с историей в последние десятилетия XX в. и в самом начале XXI в. изменения одни называют «историографической революцией», другие — «кризисом исторической науки». В любом случае методологическая рефлексия по поводу собственных теоретических оснований в историографии крайне актуализировалась. Ряд новых явлений стимулировал трансформации образа исторической науки. История на протяжении XX в. практически перестала пониматься как наука о прошлом. Сам концепт «прошлого» при его крайней неоднозначности уже не мог удовлетворительно очерчивать поле исторического дискурса. Кроме того, стала совершенно очевидной вовлеченность историка в жизнь современного ему общества, влияние эпохи, личности исследователя, его социально-политической позиции на способ рассмотрения

им своих объектов. О каких бы отдаленных эпохах не говорил историк, история всегда — наука о современности и для современности.

Существенную роль в развитии кризиса исторической науки сыграл «лингвистический поворот», поставивший вопрос о подчиненности исторического повествования тем же законам, что и любое повествование вообще. Таким образом, принципиальная грань между научной историей и художественной беллетристикой была поставлена под сомнение. Наименование национальных историй «национальными романами» стало вполне привычным.

Процессы глокализации привели к кризису национальные государства, которые на протяжении последних нескольких столетий были основной формой массовой социально-политической организации людей. Именно национальное государство выполняло для профессиональной историографии XIX–XX вв. роль основной рамки, с которой соотносились все исследования. Признание того, что эта рамка сама является исторически преходящей, политически обусловленной, отнюдь не самоочевидной и совершенно нерелевантной для рассмотрения многих проблем и исторических эпох, также стимулировало кризис профессионального сознания историков.

Связанный с трагическим опытом XX в. кризис проекта Просвещения, веры в поступательный Прогресс, объективные законы истории, преемственность исторического процесса и его устремленность к светлому будущему также способствовали изменению образа истории. Утратив веру в преемственность и обусловленность исторических процессов, в связь настоящего, прошлого и будущего и взяв на вооружение идеи множественности уникальных культур, историки стали изучать не столько привычный им «исторический процесс», сколько «следы» и «воспоминания». «Места памяти», понимаемые как конструкты и результаты направляемой политической волей селективной культурной политики, заняли место «нашего прошлого».

Революционные события 1968 г., приведшие к культурной революции на Западе, вывели на авансцену исследовательского интереса массу новых групп, проблем и сюжетов, которым до этого не было места в официальной истории. Среди них — гендерная история, история сексуальных меньшинств, история цветных, постколониальные исследования, микроистория, история дисциплинарных техник, телесности и сексуальности, медицины и особенно психиатрии, детства, «устная история», «история снизу» и т. д. Обращение к этим сюжетам все очевиднее размывало грань между собственно историей в ее традиционном понимании и другими социально-гуманитарными науками. Бес-

¹² Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев: Символ-AirLand, 1995. С. 5.

препятственная миграция между антропологией, социологией, экономикой, к которой охотно стали прибегать историки, занятые новой проблематикой, практически уничтожила выработанные XIX в. эпистемологические границы. Упомянутый нами уже К. А. Рохас писал об этом так: «1968 год на надгробной плите Фуко разрушил эпистему, господствовавшую с конца XIX века и характеризовавшуюся строгим дисциплинарным разделением областей знания на основе специализации»¹³.

Во Франции в 1970-х гг. возникло направление «новой истории» («nouvelle histoire»). Основное внимание историки этого направления под влиянием идей Ж. Ле Гоффа стали уделять «социальному воображаемому» и формам культурной репрезентации. Причем делалось это не для того, чтобы просто снабдить повествование интересными и курьезными деталями, а чтобы раскрыть глубинные механизмы человеческого мировосприятия, мышления и поведения, от которых собственно и зависит весь облик общества. Сложился проект «новой культурной истории», который завоевал признание в 1980–1990-х гг. В 1987 г. в Калифорнийском университете прошла конференция «Французская история: тексты и культура», а в 1989 г. под редакцией Л. Хант вышел сборник ее материалов под названием «Новая культурная история»¹⁴. По следам этого сборника через 10 лет была опубликована коллективная монография, осмысливавшая результаты «культурного поворота» и дальнейшие перспективы истории¹⁵.

Все направления «новой культурной истории» основываются на созвучном современной культурологии антропологическом понимании культуры как образа жизни человеческих сообществ. В связи с этим особое влияние на историков культуры стали оказывать концепции представителей культурной (социальной) антропологии. Среди них в первую очередь следует назвать М. Мосса, Э. Эванса-Причарда, М. Дуглас, К. Гирца и др. Особый резонанс имели идеи Гирца, сблизившего антропологию с герменевтикой и делавшего акцент на интерпретативных процедурах понимания культурных смыслов. Культурная история стала определяться как «ретроспективная этнография». Непотъемлемой частью «новой культурной истории» стали широкие теоретические интересы, активное использование идей Н. Элиаса, М. Фуко, П. Бурдьё,

Ю. Хабермаса и других ведущих теоретиков социально-гуманитарного знания XX в. Основное внимание «новая культурная история» уделяет изучению социальных практик в различных сферах жизни (чтения, паломничества, коллекционирования, сексуальности и телесности, использования столовых приборов, употребления сахара или мороженого, мемориализации и забвения, пользования туалетом и т. д., и т. п.). Это — «культурная история социальных практик» (или «социальная история культурных практик»), другая социальная история, коренным образом отказавшаяся от противопоставления индивидуального, социального и культурного в пользу интергративной категории практики.

Одновременно в последние годы набирает силу предложенный Я. Ассманом проект «истории памяти», основанный на подходах *memory studies*. Этот подход исходит из того, что любые образы прошлого являются продуктом настоящего, того общества, которое создало те или иные «образы-воспоминания» о прошлом для решения определенных задач и в определенных интересах. Поэтому здесь исследуется не столько то, что происходило в прошлом, сколько причины, по которым данное общество создало для себя именно такой образ прошлого, а впоследствии заменило его другим. Это — масштабный проект анализа «культурных воспоминаний». Он не отменяет проекта «истории культурных практик» (равно как и любого другого историко-культурологического подхода), а релятивизирует его результаты. «Мемориальный подход» заставляет ставить «возвратные вопросы», требуя от исследователя понять, почему его интересует в изучаемых культурных практиках именно это, почему он видит это именно так и почему исследователи других эпох, культур и социальных общностей не видели того, что видит он, а видели что-то иное. Таким образом, вырисовывается задача изучения истории «культурных практик мемориализации», опосредующих все наши представления о любых других «культурных практиках». Такой анализ является одновременно анализом и определенного фрагмента прошлого, и того общества, которое мемориализовало этот фрагмент определенным образом, и той культуры, к которой принадлежит само исследование. Такая ситуация возникнет, если, например, современный историк культуры будет изучать образ греческого полиса в викторианской Англии.

История, как и культурология, охватывает своим исследовательским проектом всю совокупность человеческой жизнедеятельности, все аспекты бытия человека в мире. Поэтому-то историческая наука и начиналась когда-то именно как история культуры (цивилизации), а культурология не могла и не мо-

¹³ Цит. по: Малерба Ж. История в Латинской Америке. Очерк историографической критики. М.: Канон +, 2011. С. 136.

¹⁴ The New Cultural History /Ed. By L.Hunt. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1989.

¹⁵ Beyond the Cultural Turn. New Directions in the Study of Society and Culture/Ed. by V.Bonnell, L.Hunt. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1999.

жет дистанцироваться от исторического, диахронического среза рассмотрения своих проблем. Перед историей теперь стоит задача переосмысления своей научной идентичности в условиях коренной ломки дисциплинарных границ, установившихся в последние два века. Культурология же, сама будучи продуктом этой ломки, должна, оставив в прошлом сражения с призраками ранкеанской школы, определить свое отношение к современному состоянию поля исторических исследований, в первую очередь к *new cultural history* и «истории памяти»,

которые, будучи пронизаны подходами герменевтики, современной антропологии и интегративной социологии, никоим образом не напоминают фактографию Ранке или же «шедевроведение» традиционной историй искусств и для которых границы дисциплин XIX в. давно уже не имеют никакого значения и смысла.

Таким образом, речь должна идти именно об анализе новых водоразделов и перспектив взаимодействия современной культурологии и современного исторического знания.

Список литературы:

1. Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев: Символ-AirLand, 1995.
2. Малерба Ж. История в Латинской Америке. Очерк историографической критики. М.: Канон +, 2011.
3. Основы культурологии / Отв. ред. И. М. Быховская. М.: Едиториал УРСС, 2005.
4. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
5. Рохас К. А. Историография в XX веке. М., 2008.
6. Флиер А. Я. Апология гуманитарности или введение в историческую культурологию / режим доступа → . URL: <http://www.m-kultura.ru/apologiya-gumanitarnosti/>
7. Флиер А. Я. Культура как смысл истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6.
8. *Beyond the Cultural Turn. New Directions in the Study of Society and Culture* / Ed. by V. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, Los Angeles. University of California Press, 1999.
9. *The New Cultural History* / Ed. By L.Hunt. Berkeley, Los Angeles. University of California Press, 1989.

References (transliteration):

1. Karsavin L.P. Kul'tura srednikh vekov. Kiev: Simvol-AirLand, 1995.
2. Malerba Zh. Istoriya v Latinskoy Amerike. Ocherk istoriograficheskoy kritiki. M.: Kanon +, 2011.
3. Osnovy kul'turologi/otv. red. I.M.Bykhovskaya. M.: Editorial URSS, 2005.
4. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug', 2011.
5. Rokhas K. A. Istoriografiya v 20 veke. M., 2008.
6. Flier A.Ya. Apologiya gumanitarnosti ili vvedenie v istoricheskuyu kul'turologiyu/ rezhim dostupa: → . URL: <http://www.m-kultura.ru/apologiya-gumanitarnosti/>
7. Flier A.Ya. Kul'tura kak smysl istorii//Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 6.
8. *Beyond the Cultural Turn. New Directions in the Study of Society and Culture* / Ed. by V. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, Los Angeles. University of California Press, 1999.
9. *The New Cultural History* /Ed. By L.Hunt. Berkeley, Los Angeles. University of California Press, 1989.